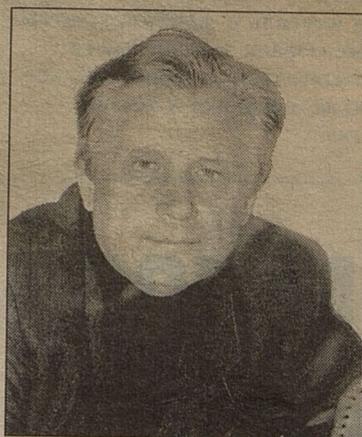

«НАВСТРЕЧУ СКРЫТОМУ МИРУ...»

Беседа обозревателя «МН» Людмилы Сараскиной с писателем Юрием Мамлеевым

Известный в шестидесятые — семидесятые годы писатель и философ неофициальной культуры, эмигрировавший в 1974 году в США, Юрий Мамлеев в Москве по своим литературным делам: в ближайшем будущем в московском издательстве «Тerra» выйдет один из его самых сенсационных «подпольных» романов — «Шатуны», написанный в 1966 году.

Л.С.: Российскому читателю предстоит познакомиться с произведением, которое в свое время вызвало шоковую реакцию даже в вашем московском подпольном литературно-философском кружке и позже — у искусственного западного читателя. Не могу забыть и собственного впечатления — мне случайно попались «Шатуны» в комплекте русского эмигрантского журнала «Стрелец» за 1988 год — глубокое потрясение, страшная подавленность, смущение и смятение... С тех пор специально интересовалась литературной дискуссией вокруг «Шатунов». Западные критики, анализируя ваш роман, употребляют выражения: «метафизический бунт», «интеллектуальное кощунство», «уничтожение основ сознания». Герои «Шатунов» — человеческие аналоги шатающихся в транс медведей — чудовищны: это монстры насилия, секса и безумия; существа, имеющие человеческий облик, а также имя и фамилию, но живущие за пределами морали, вне категорий добра и зла. Жуткие, поистине адские видения романа врезаются в память, чувствуется, что страшные картины не бутафория и не декорация, обычные для романов ужасов, а нечто такое, что действительно живет за завесой обыденного бытия. Главный герой «Шатунов», сорокалетний житель Подмосковья Федор Соннов, совершая бессмысленные, немотивированные убийства, пытается понять извечную тайну смерти и неожиданно сталкивается с группой московских интеллектуалов. Отсюда мой вопрос: какая все-таки реальность — событийная, социальная, литературная или иная — стоит за эзотерическими смыслами романа?

Ю.М.: Начнем от обратного. Очевидно: мои герои — люди необычные в необычных же обстоятельствах, и это сразу исключает тему типического. Это не люди с улиц Москвы, Парижа или Берлина, и они так же не являют собой образы люмпенов или богемы. Они не типы какой-либо социальной системы, они вне любых социальных, национальных, государственных установок. Вместе с тем действительно некая мощная реальность за ними стоит. Первый пласт ее — неразгаданные, темные, скрытые стороны человеческой души. Тот человек, которого мы знаем и который проявляется в обыденной жизни, обнаруживает весьма малую часть своего существа. Мои же характеры сотворены из ночных образов сознания. Средством для их выражения я избрал сферу психопатологии, которую хорошо знаю, так как родился в семье психиатра. Так что все страшные случаи патологических состояний я использую как чисто внешнее средство, а не как самоцель.

Второй пласт реальности я бы назвал космологическим. Большинство моих героев — путешественники в Великое неизвестное. Они задают вопросы, на которые обычный человеческий разум или не может ответить вовсе, или отвечает неудовлетворительно. И поэтому, выйдя без всякой догматической, религиозной поддержки в открытое пространство, они теряются и переступают порог дозволенного. А в некоторых случаях — у меня есть такие персонажи — они выходят даже за черту собственно человеческого.

Л.С.: Не скрою, мой сугубый, специфический интерес к вашему роману связан еще и с тем, что литературным, философским камертоном к нему избран Ф.М. Достоевский.

Портрет Достоевского висит едва ли не во всех комнатах-каморках, где происходят самые непотребные действия, самые невероятные оргии, — висит и как единственное украшение стен, и, быть может, как некий ритуальный символ... Вот Федор Соннов пришел убивать интеллектуала Извицкого, и огромное зеркало в его комнате отражает нож Федора, занесенный над спиной Извицкого, и самого Извицкого, обнаженного и корчащегося в экстазе автотротизма, и портрет Достоевского «с неподвижным и страдальческим взором». Это единственное литературное имя, упомянутое в «Шатунах» и навязчиво повторяемое от сцены к сцене. Кто он для ваших героев? Духовный учитель? Наставник жизни? Тайная санкция? Вместе с тем мне кажется, что, самоотжестворяясь с Достоевским, ваши герои сознают себя его антиподами и даже противятся его духовному опыту, связанному с религиозными и моральными ценностями. Они действуют по мотивам, которым нет названия на человеческом языке...

Ю.М.: Произведения Достоевского, особенно такие, как «Записки из подполья», «Бобок», «Бесы», их внутренняя музыка пронизаны крайностями. В этом смысле именно Достоевский (наряду с Гоголем, Федором Сологубом, Ремизовым, отчасти Платоновым) являет для меня наследуемую традицию. Кроме этого, Достоевский — символ стремления дойти до конца бездны. Мои герои воспринимают Достоевского как предшественника по метафизическому эксперименту. Но сами они идут гораздо дальше. К тому же они жители XX века с его чудовищным экспериментом в области зла, который уничтожил гуманизм. XIX век еще держался на гуманизме, но XX век — если вы почитаете западных философов — выразился одним словом: крах, социальный, бытовой, философский. Оказалось, что правота за средневековыми воззрениями на человека как на полуангела-полуживотного, в душе которого бушуют наряду с добрыми чудовищные силы зла. Гуманисты XIX века слишком полагались на добро в человеке и сильно просчитались... А мои герои как раз хотят сами, не полагаясь на авторитеты, изведать свой человеческий максимум.

Л.С.: К числу таких авторитетов относится, несомненно, и традиционная вера. Перед вашими героями уже не стоит старый постулат: «Бога нет — все дозволено». Метафизические путешественники, отгадчики Неведомого, они задаются вопросом: что именно дозволено и сколько? Я бы их назвала скорее путешественниками в недозволенное — каждый из них ищет индивидуальный предел в своем личном человеческом беспределе. Где граница вседозволенности в экспериментах над собой? Как далеко можно идти в поисках собственного «я»? В «Шатунах» самопознающие герои совokuпляются с птицами, пьют кровь кошек, откручивают щенкам головы, муж в приступе необузданной похоти норовит убить и так убивает младенца в утробе жены, старичок-кастрат женится на маленькой девочке ради изысканных телесных наслаждений... Подвластны ли они все хоть каким-то законам морали, внутренним или внешним запретам?

Ю.М.: Такого рода путешествия не очень связаны с концепциями добра и зла. Эти категории остаются позади, когда человек выходит в запре-

тную зону. В ней человек обретает третье состояние и действует, исходя из абсолютно другой логики, нежели обычные люди в обычных обстоятельствах. К ним — метафизическим путешественникам — применять категории морали так же бессмысленно, как и к сумасшедшим, которые, допустим, совершают убийство из искаженных представлений о реальности. У моих героев, хотя они не сумасшедшие (они скорее одеты в оболочку безумия), тоже представления о реальности совершенно другие. Но закон кармы, возмездия действует и на них...

Л.С.: Не связаны ли сами «путешествия» с тем, что современный человек давно перерос рамки традиционных религий и общепринятой морали? Меня поразило, что герои «Шатунов» — и «простонародные мракобесы», и «элитарные метафизики» — прекрасно уживаются друг с другом, проявляют понимание и сочувствие как раз за рамками традиционной морали.

Ю.М.: Людей социального «низа» и интеллигентных героев роднит в романе одно: стремление выйти за черту дозволенного, в зону Великого Неизвестного. У вторых подобные поиски смягчены, окультурены и протекают в сфере идей, у первых выглядят более странно, так как выражаются в сфере действий. Но я писал об исключительных, парадоксальных людях. Для абсолютного большинства людей религиозная, моральная традиция, безусловно, необходима, это основа жизни, категорический императив. Иначе — гибель. Но человек рождается свободным и имеет право, если чувствует в этом неодолимую потребность, броситься в океан неведомого. Не обязательно при этом нарушать традиционную мораль, наоборот, разумнее сохранять ее. Надо лишь хорошо соизмерить свои силы, взвесить все опасности, потому что в духовном плане такие путешествия — хождение по ниточке, по краю пропасти.

Л.С.: Но во всем этом безбрежном океане неведомого их волнует лишь одна тайна — тайна человека, тайна своего «я». Ради самопознания они безумствуют и неистовствуют, оверкают свою человеческую жизнь, страшно напрягают свой дух и тело. Похоже, однако, что открывающиеся перед ними тайники познания — это тушки познания. Открытый финал вашего романа как будто подчеркивает все их усилия. Цитирую: «Падов... пошел вперед, с выпученными глазами, по одинокому шоссе навстречу скрытому миру, о котором нельзя даже задавать вопросов...» Так стоит ли вообще туда ходить?

Ю.М.: Люди, пытающиеся ответить на вопросы: «кто я?», «кто и откуда мы?», хотя и разгадать тайну Бога. Страсть к самопознанию делает их одержимыми и помогает преодолевать человеческие слабости. Они идут к бездне и обнаруживают, что любая открывшаяся им тайна не окончательна, дальше есть еще двери, а за ними новые комнаты и новые двери. Но это не поражение искателей, не безысходность. Ими движет истерическая жажда бессмертия — не физического, конечно, а духовного. Может быть, они и ненавидят этот мир за то, что он не гарантирует бессмертия их вечного «я». Как автор я совершенно отчужден от своих героев и смотрю на них со стороны; их судьба открыта, жизнь не кончена. Каждый из них (как и каждый из нас) свои отношения с вечностью, с добром и злом должен строить самостоятельно.